

ДОСТОЕВСКИЙ И ЕВАНГЕЛИЕ*)

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы когда мы пишемъ о какомъ либо авторѣ, ...вообразили себѣ его присутствующимъ и слушающимъ то, что мы говоримъ о немъ». Saint-Beuve. (Causerie. XIII).

«Онъ устанавливается, наконецъ, на Христѣ, но вся жизнь буря и беспорядокъ». Достоевскій (Матеріалы къ «Бѣсамъ»).

I

Почти двѣ тысячи лѣтъ человѣчество читаетъ, изучаетъ, комментируетъ Евангелие. Вліяніе этой основы христіанства на человѣческую жизнь огромно и не поддается никакому учету. Литература, богословіе, живопись, архитектура, философія — все до извѣстной степени находится въ связи съ Евангеліемъ, или шире — со Св. Писаніемъ.

Давно извѣстно и неоспоримо установлено преобладаніе книгъ церковно-богословского содержанія въ древней и средневѣковой русской **

*) Настоящая статья представляетъ собою не столько научный трудъ, сколько информативно-популярный очеркъ, возникшій изъ матеріаловъ къ большой работѣ о Достоевскомъ и Св. Писаніи. Въ основную работу мою войдутъ кромѣ того вопросы о вліяніи святоотческой и мистической литературы. Все это, равно какъ и освѣщеніе спорныхъ вопросовъ, оставлено здѣсь въ сторонѣ.

**) Конечно это явленіе мы наблюдаемъ и въ Западной Европѣ.

письменности. Но думается, хотя характеръ культуры, а съ ней и образованности измѣнился, и въ новое и новѣйшее время Евангеліе и Св. Писаніе служило, служить и будетъ служить источникомъ вдохновенія, образцомъ для многихъ моральныхъ темъ, затрагиваемыхъ въ литературѣ. Историки письменности выдѣляли и выдѣляютъ тексты Св. Писанія изъ твореній древнихъ русскихъ книжниковъ, указывали на точность или происшедшую погрѣшность въ приводимыхъ текстахъ, сличали различные переводы, стремились иногда дать то, или иное объясненіе, почему авторъ использовалъ данный стихъ и т. д. Но сколько намъ извѣстно не сдѣлано ни одной попытки приложить уже найденный методъ къ изслѣдованию произведеній новыхъ русскихъ писателей. Причинъ этому много; приведу лишь одну: предполагается обычно, что источникомъ вдохновенія для писателей нового времени служить своя и иноземная художественная беллетристика и жизнь, т. е. творческое преображеніе жизненныхъ внѣшнихъ наблюдений, или же своихъ душевныхъ переживаний. Разумѣется, съ первого взгляда ясна такая односторонность. Являясь людьми христіанской культуры, иногда людьми религіозными въ полномъ смыслѣ этого слова, они несомнѣнно черпали многое изъ Св. Писанія и претворяли затѣмъ въ художественные образы или пріобщали полученное къ постройкѣ своего міровоззрѣнія. У цѣлаго ряда даже «невѣрующихъ» писателей Евангеліе въ жизни или творчествѣ играло существенную роль. Напомню дѣтство Салтыкова-Щедрина, Герцена и цѣлаго ряда другихъ писателей. У того же Салтыкова въ романѣ «Господа Головлевы» внезапное покаяніе Іудушки происходитъ послѣ воспоминанія Евангельского текста (вѣроятно Лук. XXIII, 34-37), читаннаго въ церкви, Анинька вспоминаетъ Евангеліе (отъ Матея XXVI

29) и т. д. Юный Лермонтовъ въ одной изъ своихъ пьесъ интересно использовалъ Евангельскій текстъ, чеховскій разсказъ «Пари» (говорю о II-ой редакціі) кончается перерожденiemъ героя, вѣроятно подъ вліяніемъ чтенія Евангелія и т. д. Даже у новѣйшихъ «совѣтскихъ» писателей находимъ отголоски этой евангельской традиціі. Такъ, напр., въ романѣ В. Лидина «Отступникъ», написанномъ подъ вліяніемъ «Преступленія и Наказанія» (но съ раздвоеніемъ лицъ: Соня = Танѣ + Варенька и т. д.) находимъ слѣды Евангелія. Это слова изъ Евангелія, тоже отъ Иоанна, въ устахъ проститутки. Конечно, это все относится не къ одной русской литературѣ, кто можетъ учесть всю глубину вліянія Евангелія, напр., на душу творца «De profundis»? Но эта сторона еще часто принималась въ разсчетъ, какъ вліявшая на міровоззрѣніе художника. Вопросъ о вліянії Евангелія долженъ быть рассматриваемъ и въ иной плоскости, въ плоскости историко-литературной. Нечего бояться того, что Евангеліе не имѣть какъ будто прямого отношенія къ литературѣ художественной и философской. Евангеліе или Св. Писаніе есть *de facto*, узко говоря, книга, или рядъ книгъ, своеобразнаго содержанія, своеобразнаго высоко интереснаго стиля и глубочайшаго философскаго смысла. Библія, и главнымъ образомъ Евангеліе властно вторгаясь въ душу человѣческую, или тихо и незамѣтно просачиваясь въ темную глубь сердца задерживалось, отпечатывалось и въ памяти. Создательно и подсознательно писатель пользовался его мыслію, цитатой, а иногда даже отдѣльными словами. А если это такъ, то надо, изучая творчество писателя найти всѣ эти элементы, эти отдѣльныя мысли, слова, выраженія и *сюжеты*. Слѣдуетъ по возможности, во первыхъ, выдѣлить языковой матеріалъ, бытовая выраженія евангельского характера отъ непосредственныхъ влія-

ній самого текста. Распредѣливъ материалъ по группамъ, необходимо связать его съ фактами вѣшней и внутренней жизни писателя. И наконецъ, исходя изъ того, что разъ написанное произведеніе писателя является живымъ организмомъ, самостоятельнымъ цѣлымъ, указать соотношеніе мыслей и идей данного органическаго творенія съ идеями и словами Евангельскаго или Библейскаго текста. Это три самостоятельныхъ хотя и тѣсно связанныхъ задачи. Писатель могъ стремиться всегда казаться иррелигиознымъ, а на самомъ дѣлѣ тайно оть другихъ ночами могъ читать и перечитывать Божественные страницы. Могло быть и наоборотъ. А въ центрѣ работы слѣдуетъ ставить всегда творчество, творческую способность въ известныхъ образахъ выражать свои ощущенія и мысли съ цѣлью эстетического воздействиа на читателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что каждое произведеніе неразрывно, тысячью тонкихъ, какъ паутина нитей связано съ его творцомъ; существуетъ всегда нѣкое генетическое, зародышное соединеніе одного произведенія автора съ другими предшествовавшими и послѣдовавшими работами. Идетъ какая то перекличка сюжетовъ, вліяній и идей. Напр., у Достоевскаго «Преступленіе и Наказаніе», «Идиотъ», «Бѣсы», «Подростокъ», «Братья Карамазовы» перекликаются между собой, перебрасывая другъ къ другу мостики, по которымъ въ иной одеждѣ входить часто та же идея, то же вліяніе. Это особенно замѣтно на вопросѣ евангельского вліянія и вліянія А. Пушкина («Пиковая Дама», «Скупой рыцарь» и т. д.).

Но все же слѣдуетъ ясно представлять себѣ, что каждое законченное твореніе есть нѣчто замкнутое, себѣ довлѣющее и гораздо большее, чѣмъ собраніе нѣкоего числа страницъ и главъ. Такъ растущее дерево больше чѣмъ собраніе листьевъ, вѣтвей, корней или даже живыхъ клѣтокъ; оно —

индивидуальность, неповторимый типъ, одушевленный внутренней жизненной связью. Поэтому можно и должно сверхъ историко-литературного разбора стремиться къ философскому «осознанію» произведения и соотношениі его частей. А это обязываетъ руководиться еще однимъ принципомъ, увы, столь часто пренебрегаемымъ въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, — я говорю объ эволюціонномъ методѣ. Мы полагаемъ известную связь между философскимъ осознаваніемъ автора, его твореній и терминомъ эволюція. Это не значитъ, что подъ словомъ эволюція мы подразумѣваемъ прогрессъ. Слово это мы употребляемъ въ точномъ, первоначальномъ его значеніи (*evolvo*) — развертыванія, или, если хотите, измѣненія чего бы то ни было. Это развертываніе и раскрытие живого происходитъ подъ вліяніемъ извѣстной среды, атмосферы и почвы. Ихъ надо имѣть въ виду, не какъ доминанту, но какъ сопутствующее, — фонъ и проявитель для художественного произведения. Когда мы читаемъ слова Астафія Ивановича *): «А вы, сударь, павшимъ человѣкомъ не брезгайте; этого Христосъ, который насъ всѣхъ больше себя возлюбилъ — не велѣль! Емеля то мой, если бъ остался въ живыхъ, былъ бы не человѣкъ, а примѣромъ сказать — плевое дѣло. А что вотъ умеръ съ тоски, да отъ совѣсти, такъ всему свѣту доказать на себѣ, что каковъ онъ ни былъ, а онъ все человѣкъ; что отъ порока то человѣкъ умираетъ, какъ отъ яду смертнаго, и что порокъ, стало быть, наживное, человѣческое дѣло, а не природное — оно было да сплыло; иначе и Христосъ бы къ намъ не пришелъ, если бъ намъ порочнымъ изъ вѣка въ вѣкъ отъ первороднаго грѣха было суждено

*) «Честный воръ». Ср. «Отечественные Записки» 848. Т. LVII.
«Рассказы бывалого человѣка» Цит. по Ф. М. Достоевскій.
Полн. собр. худож. произв. Л. 1926, т. I, стр. 546-547.

оставаться. Оно вѣдь никто, какъ Богъ, сударь...» Мы сразу же настораживаемся. Уже Анненковъ, какъ тонкій критикъ отмѣтилъ, что здѣсь изъ за плеча служиваго виднѣется авторъ. Достоевскій свою рѣчъ, резонерство свое, только подгоняетъ подъ извѣстный шаблонъ. И здѣсь съ трудомъ можно искать евангельскую традицію. Это скорѣе гуманистическо-западная традиція; Жоржъ Зандъ и К-о, вложенная только въ уста русскаго и облекшася потому въ форму почти катехизисную. Памятая этотъ примѣръ, обратимся къ нашей темѣ.

Достоевскій родился въ богообязненной семье, воспитаніе его было въ основахъ религіознымъ. Особо значительную роль въ почти непрерывающейся религіозной настроенноти, думается, играютъ часто первыя воспоминанія дѣтства. Самое раннее воспоминаніе Достоевскаго относится къ церкви, освѣщенной солнцемъ, когда приведшая его туда мать, приподняла дитя свое къ чашѣ со Св. Дарами, и «голубокъ пролетѣлъ въ церкви изъ одного окна въ другое». (Отразилось это воспоминаніе въ романѣ «Подростокъ».) Другое воспоминаніе, когда Достоевскій по его словамъ былъ еще «почти младенцемъ», тоже связано съ церковью, но сюда уже приводить и воспоминаніе о церковной службѣ. Онъ запомнилъ какъ отрокъ читалъ книгу Іова и какое глубочайшее впечатлѣніе произвела она на него. Онъ представлялъ себѣ Іова, его богатства, стада верблюдовъ, его горе и покорную любовь къ Богу. Объ этомъ вспомнилъ писатель, перечитывая книгу Іова за границей въ періодъ писанія «Подростка». Книга эта его «приводить въ болѣзненный восторгъ... хожу по комнатѣ и плачу» такъ писалъ Достоевскій женѣ. Онъ вспоминалъ о прошломъ, о дѣтствѣ и о томъ вліяніи, которое имѣло на него чтеніе Іова. Позже это отразилось въ «Подросткѣ» (Сло-

ва М. Долгорукаго объ Іовѣ) и почти дословно, какъ въ письмѣ, въ романѣ «Братья Карамазовы» Достоевскій толкуетъ книгу Іова и ее воспроизводить, подчеркивая именно лишь свѣтлую сторону, любящую покорность Богу, минуя совершенно комплексъ ощущеній и переживаній болѣе сложныхъ. Въ книгѣ Іова легко найти даже своеобразный бунтъ, протестъ, уныніе и ожесточеніе сердца. Писатель по своему «стилизуетъ» книгу Іова, точнѣе подчеркиваетъ одну лишь сторону характера Іова. Оговоримся: мы не собираемся толковать книгу Іова или Библію. Мы рассматриваемъ ихъ, во первыхъ, съ точки историка литературы, и во вторыхъ, стремимся взглянуть на Св. Писаніе очами Достоевскаго. Такъ всѣмъ известно, сколь полна «эротики» Пѣснь Пѣсней. «Великій язычникъ» (Гете) восхищался ея пластичностью и выраженіями страсти облечеными въ художественные образы. А между тѣмъ намъ известно, что съ точки зрењія нѣкоторыхъ православныхъ и западныхъ богослововъ, здѣсь — въ основѣ аллегорія и все это слѣдуетъ относить къ духовному союзу церкви и Бога.

Итакъ, послѣ необходимыхъ оговорокъ, вернемся къ біографическимъ даннымъ. Судя по письмамъ, воспоминаніямъ и т. п. Достоевскій даже будучи склоннымъ къ соціализму и являясь до известной степени *активнымъ* революціонеромъ *) — петрашевцемъ, все же чтилъ Евангеліе и главное образъ Христа. Всюду въ центрѣ религіозной, да и эстетической проблемы, писатель до конца жизни полагалъ *этическое начало*. Вопросы этики, эстетики, религіи сливались для него съ лицомъ Христа, съ его образомъ. Напомню версиловскій сонъ, — когда за періодомъ атеистическимъ приходитъ Христосъ и наступаетъ всеобщее воскре-

*) Ср. Исторію съ печатнымъ станкомъ, разсказанную А. Майковымъ.

сеніе; явленіе Христа Инквизитору, желавшему исправить Его дѣло этической свободы; слова Версилова о красотѣ, требующей внутренняго совершенства и т. д.

Достоевскій горѣлъ по отношенію къ Христу любовію, но любовію ревнивой. На шуточную невинную цитацию изъ Евангелія Д. возражаетъ: «Когда слышишь, что человѣкъ лжетъ, то дѣлается гадко, но когда онъ лжетъ и клевещетъ на Христа, то это выходитъ и гадко и подло» *). »..Съ ревнивою любовью говорилъ себѣ писатель, что Христосъ идеалъ человѣка «вѣковѣчный». Когда В. Г. Бѣлинскій въ запальчивости неистового «ругалъ Христа» — (слова Д.), то писатель блѣднѣлъ, какъ смерть и прямо задыхался отъ ужаса, боли, скорби и отчаяннаго гнѣва **). Думается, что и размоловки съ Бѣлинскимъ и позднѣйшая ненависть связаны съ этимъ отношеніемъ послѣдняго ко Христу, отношеніемъ нѣсколько богохульнымъ и въ лучшемъ случаѣ презрительнымъ. (Таковъ разговоръ «Неистоваго Виссаріона» о Христѣ и соціализмѣ. Христосъ де былъ бы соціалистомъ и т. д.). Сюда, какъ подлитое масло въ огонь, входила и отрицательная оцѣнка въ послѣднихъ отзывахъ Бѣлинского кумира Достоевскаго Пушкина. Но главное слѣдуетъ приписать не расхожденію въ міросозерцаніи, а въ міроощущеніи и въ частности въ вопросахъ христіянства, Христа.

Писатель возставалъ упорно, когда осмѣливались кого бы то ни было сравнивать съ Христомъ, ибо Христосъ это «солнце наше» и все меркнетъ передъ его лицомъ. Сила Христа, Его обаятельность связаны для Д. съ прелестью Его облика, заключающейся въ полномъ соотвѣтствіи слова и дѣла любви. Мы не говоримъ уже объ Искупленіи

*) Ср. Воспоминанія Д-ра С. Д. Яновскаго.

**) Ср. Ю. Никольскій. Исторія одной вражды (Д. И. Тургеневъ) Софія. 1921.

человѣчества путемъ крестныхъ страданій. Христосъ рисуется Д. свѣтлымъ, ласковымъ и *радостнымъ*. Особенно подчеркиваемъ послѣднее.

Однако позволимъ себѣ замѣтить, что все же Евангелие, а м. б. и самъ образъ Христа во время петербургской жизни писателя отодвинулись въ даль, подернулись туманомъ. Происходило и своеобразное томленіе Д. въ сгущенной атмосфѣрѣ, исканіе опоры, срывы и уходъ въ мечтательство. Но вотъ грянулъ громъ. Д. арестованъ. Онъ узникъ Алексѣевскаго равелина. Изнывая въ одиночномъ заключеніи, въ письмѣ (1849 г.) къ брату Михаилу онъ умоляетъ прислать ему книги и особенно «Библію, оба завѣта». Писатель желалъ имѣть и французскій переводъ. Это характерно, ибо полагаемъ, что Д. не вполнѣ довѣрялъ русскому переводу и желалъ сравнивать и корректировать его при помощи французскаго (По гречески Достоевскій не зналъ).

Послѣ многомѣсячнаго заключенія наступаетъ минута «маскарадной» казни, такъ трогательно описанная въ «Идіотѣ». День былъ хмарный и снѣжный *), но на моментъ проглянуло солнце и отражаясь въ крышѣ церкви было своими лучами прямо въ очи Д. и «ему все казалось, что лучи его новая природа» и черезъ минуту онъ «какъ нибудь сольется съ ними». Думается церковь въ солнечномъ свѣтѣ навѣки врѣзалась въ память Д. и своеобразно переплелась съ первыми воспоминаніями дѣтскихъ лѣтъ. Глубоко потрясенный, но словно нашедшій таинственно самого себя, спокойствіе, а не озлобленіе, Д. уѣзжаетъ на каторгу, въ Сибирь. Тамъ въ захолустномъ городишкѣ получилъ онъ Евангелие изъ рукъ женъ декабри-

*) Состояніе погоды отмѣчено въ воспоминаніяхъ современниковъ Д., равно какъ у нѣкоторыхъ упомянуто и проглянувшее солнце.

стовъ *), была у него и Библія, но ее въ острогъ украли. Въ острогъ читалъ и перечитывалъ «вѣчную книгу» Д. и училъ по ней читать дагестанца Алея, что видно не по однимъ «Запискамъ изъ Мертваго Дома», но и по письму самого писателя. Но со временеми каторги Д. знакомится и съ Кораномъ. Полагаю вопросъ этотъ очень сложнымъ, ибо въ творчествѣ Д. не только встрѣчаемъ слѣды текста Корана **), но кое гдѣ идеи Корана и Евангельскія скрестились и даже, пожалуй, тѣсно переплелись между собой. Почти сразу же по приѣздѣ съ каторги Д. просить прислать ему Коранъ, Псалтирь и Вольтера. На каторгѣ среди муки, грязи, разврата, можетъ быть жестокихъ физическихъ истязаній ***) Достоевскій перелистывалъ и читалъ Евангеліе и тамъ въ заущеніи и презрѣніи, голодѣ, холодѣ и смрадѣ открывалась ему слѣпящая истина. На полу на четверть грязи, всюду вши, блохи, клопы, тараканы. Блѣдный свѣтъ чуть брезжитъ сквозь заледенѣлые «на вершокъ» оконца; густой паръ идетъ отъ корытъ, въ которыхъ стираютъ бѣлье арестанты, а въ углу, на нарахъ, послѣ припадка падучей, писатель, гений Россіи читаетъ съ умиленіемъ Нагорную проповѣдь юному разбойнику. На каторгѣ въ мукахъ, но «подъ Божиимъ окомъ» Достоевскій впервые ясно «Христа понялъ». ****) Именно тогда неувѣровалъ еще вполнѣ, а «понялъ» Христа. Въ горѣ и бѣдахъ, страданіяхъ и мученіяхъ яснѣеть истина по мнѣнію писателя. Въ замѣчательномъ письмѣ (1854) къ Н. Д. Фонъ-Визиной читаемъ

*) По утвержденію Н. Ястржембскаго это были Анненкова и Муравьевъ.

**) Ср. Мою статью «Волна» № 5 Београдъ. 1926.

***) Имѣются свидѣтельства о двухъ случаяхъ жесточайшаго тѣлеснаго наказанія, якобы вынесенного Достоевскимъ. Вопросъ этотъ спорный и входить въ подробности здѣсь нѣть возможности.

****) Слова, сказанныя о значеніи каторги Вс. Соловьеву. Обстановка дана по письмамъ.

примѣчательныя слова — своего рода исповѣданіе новообрѣтенной вѣры въ своей идеаль — Христа. Чувствуется, что мучительныя раздумья надъ судьбой человѣка и исторіей человѣчества съ ея цѣлями и стремленіями уже начали владѣть душою и мыслю писателя еще въ Сибири, недаромъ просилъ онъ брата съ такой силой о высылкѣ книгъ лучшихъ міровыхъ историковъ. Умъ писателя въ Сибири подвергся разнообразнымъ вліяніямъ, какъ жизненнымъ, такъ и философскимъ благодаря барону Брангелю, и свойственной Достоевскому жаждѣ знанія. Тѣмъ же объясняется и просьба прислать *Critique de la raison pure* (E. Kant). И всетаки писатель жаждеть въ несчастіяхъ вѣры: ...«Въ такія минуты жаждешь, какъ «трава изсохшая» *) вѣры, и находишь ее, собственно, потому, что въ несчастіи яснѣеть истина. Я скажу вамъ про себя, что я — дитя вѣка, дитя невѣрія и сомнѣнія до сихъ поръ и даже (я знаю это) до гробовой крышки». (курсивъ мой). Но если въ несчастіи яснѣеть истина, то и въ счастливыя, спокойствія душевнаго минуты... вѣришь, что нѣть ничего прекраснѣе, глубже, симпатичнѣе, разумнѣе, мужественнѣе и совершеннѣе Христа, и не только нѣть, но съ ревнивою любовью говорю себѣ, что и не можетъ быть». И когда предпочитаетъ писатель «оставаться со Христомъ, нежели съ истиной», то чуется позднѣйшее убѣжденіе, что истина, путь и жизнь — Христосъ.

Таковы признанія, изъ далекой Сибири; черезъ 10 лѣтъ въ Россіи, въ моментъ глубокой печали, у смертнаго ложа своей жены, Достоевскій обращается мыслю къ идеалу человѣчества —

*) Вѣроятно намекъ на псаломъ 102, XII, начинающійся словами чрезвычайно подходящими къ духовному состоянію Д. во время писанія письма: «Молитва страждущаго».

Христу и Его значенію и словамъ *) о любви къ человѣку, какъ къ самому себѣ. На землѣ это невозможнo. Законъ личности связуетъ насъ, наше Я ему противится. Одинъ Христосъ могъ исполнить это, но Христосъ былъ и есть навѣки установленный идеаль, къ которому долженъ, по закону природы, стремиться человѣкъ. Ибо Христосъ идеальное воплощеніе человѣка, и «ясно какъ день» къ Нему направлено конечное развитіе и Онъ же конечная цѣль его. Вѣдь исторія всего человѣчества и отдѣльной личности не что другое, какъ развитіе, борьба**) и стремленіе ***) къ этой единственной заключительной цѣли. Это единственная известная намъ черта будущей природы, предуказана Христомъ, которая по закону нашей исторіи проявилась въ Его воплощеніи. И черта эта будетъ заключаться въ томъ, что люди будутъ жить, какъ ангелы. Противники Христа заблуждаются удивляясь тому, что не царствуетъ христіанство на землѣ коли оно истинно, и что страдаетъ человѣкъ до сегодняшнего дня и не братъ онъ другому. Не понимаютъ они того, говорить писатель, что это идеаль, конечная цѣль, а человѣчество сейчасъ въ переходной стадіи бытія своего и Христосъ самъ предрекъ, что до конца міра будетъ борьба и развитіе и это законъ природы. И все зависитъ и въ мірѣ, и въ жизни людской отъ любви, отъ сліяння Я со всѣми въ любви. Любить всѣхъ, какъ самаго себя, по Христу. Ибо, коли вѣришь въ Христа, то вѣришь также и въ жизнь безконечную. Эти мысли Достоевскаго изложены нами въ сокращенномъ видѣ, но существенное ядро его размышленій ясно свѣтится передъ нами.

*) Вѣроятно Лука X, 17, или: Мате. XIX, XXII, 39. Марк. XII Римл. XIII, 9.

**) Въ запискахъ Д. есть слова: «ученіе о мечѣ», которые вѣроятно намекаютъ на Мате. X, 34.

***) Ср. Мате. XI. 12.

Мы чуемъ тотъ особый, до изступленности раскаленный стержень его Я, вокругъ котораго возникаютъ и переплетаются эманациі духа. Въ центрѣ его раздумья, за цѣлымъ ворохомъ побочныхъ идей, ярко и съ несомнѣнностью выступаетъ все ясище и ясище образъ того, кого любилъ онъ «ревнивою любовію» — ликъ всесовершенный, ликъ Христовъ. Образъ Христа манилъ Достоевскаго, чаровалъ душу художника, виталъ надъ страницами романовъ, и слова Его все слышнѣе и слышнѣе съ годами все чаще и чаще звучали тому, кто увѣровалъ, что Евангеліе — ступень къ «мірамъ инымъ», кто

«Въ старой Библіі гадаль,
И только вѣрилъ и взыхалъ,
Чтобъ вышла мнѣ по волѣ рока
И жизнь, и скорбь, и смерть
пророка...» *)

24. декабря 1877 г. вѣроятно ночью въ тиши своего кабинета за столомъ съ двумя высокими свѣчами Достоевскій написалъ: «Memento. На всю жизнь.

- 1) Написать русскаго Кандида
- 2) Написать книгу о Иисусѣ Христѣ
- 3) Написать свои воспоминанія...
мнѣ теперь 56 лѣтъ».

Такова въ сокращенномъ видѣ знаменитая запись 1877 г. И дѣйствительно мы имѣемъ, хотя не книгу, но главу, изъ этой книги Достоевскаго о Христѣ. Это — великий Инквизиторъ, ибо тему этой легенды онъ «выносилъ въ своей душѣ почти въ теченіе всей жизни». **)

Слова Евангелія, слова Иисуса Христа были послѣдними книжными словами, прочтенными Достоевскому. За нѣсколько часовъ до смерти, по

*) Эти стихи Огарева любилъ особенно («любимѣйшіе») еще молодымъ Ф. М. Достоевскій.

**) Эти слова Достоевскій сообщены В. Пузыковичемъ.

обычаю своему, онъ гадалъ по Евангелію и жена его прочла:

«Іоаннъ же удерживалъ его и говорилъ: мнѣ надобно креститься отъ Тебя и Ты ли приходишь ко мнѣ? Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду». *) Когда Анна Григорьевна прочла эти строки Достоевскій обращаясь къ ней сказалъ: «Ты слышишь — «не удерживай» — Аня, это значитъ я умру». За два часа до смерти писатель попросилъ Евангеліе отдать своему сыну Федѣ. Такъ Достоевскій по обыкновенію своему хотѣлъ «испытать судьбу» **) по «вѣчной книгѣ».

* * *

Образъ Христа, ученіе его, — «идеалъ Красоты» и свободы. Христосъ основатель свободы человѣче ства, освободитель плѣнной духовности, просвѣтитель Бога въ человѣкѣ, показавшій человѣчеству путь любви и вѣры, но не принуждающій идти по этому единственному пути. «Совершенная любовь совпадаетъ съ совершенной вѣрой». «До нашихъ дней не было создано «иного высшаго образа человѣку и достоинству его, какъ образъ, указанный древле Христомъ».

Итакъ Христосъ въ конечномъ счетѣ является прекраснымъ, ибо этика и эстетика для писателя, на высшихъ ступеняхъ этихъ понятій, сливаются во едино. Вѣдь по его замѣчанію ***) «Эстетическое начало зависитъ отъ религіи»; и самъ «Духъ Святый есть непосредственное пониманіе красоты, пророческое сознаваніе гармоніи, стало быть, неуклонное стремленіе къ ней». Дья-

*) Мате. III. 14. 15. Въ иныхъ переводахъ читаемъ, напр. вмѣсто: «не удерживай», «оставь теперь».

**) «Испытать» = узнать.

***) Вставка между словами Тихона и Ставрогина. (См. Черновики къ «Бѣсамъ»). Въ наброскахъ къ «Ідіоту» использована мысль Гете для этой же цѣли (Faust, II Т.).

вольское можетъ облекать *личину красоты*, но прекраснымъ быть не можетъ, ибо Духа Святаго нѣть въ немъ. Эти соображенія и прямая высказыванія Достоевскаго указываютъ намъ путь, по которому развивается въ его творчествѣ типъ «положительно-прекраснаго человѣка». Герои его романовъ начинаютъ носить на себѣ отблескъ высшей Красоты, отраженіе идеальной личности — Христа. Происходитъ обычно тонко зашифрованное и заштрихованное «*Imitatio Christi*», я не подберу иного термина. Кроткие и страдающіе герои, распинаемыя и заушаемыя жизнью восходятъ все выше и выше по ступенямъ этой лѣстницы ангельскихъ ликовъ, лѣстницы съ земли на Господнее небо. Этой лѣстницы нѣть въ до-каторжномъ творчествѣ, до тѣхъ поръ пока писатель не «понялъ Христа». Князь Левъ Мышкинъ носить на себѣ эти черты, слова его окрашены евангельской тенденціей и это особенно ясно по одному наброску *), гдѣ слова евангельскія вопроса переплетаются съ отвѣтомъ «Идиота». Отношеніе и слова о дѣтяхъ, любовь — жалость къ падшей женщинѣ, побиваемой камнями и многое другое подкрѣпляетъ это наше утвержденіе. Объ идеѣ этого романа писаль Достоевскій 1 января 1868 г. С. А. Ивановой, какъ о «старой», но необычайно трудной, такъ что онъ не имѣеть почти мужества ее провести. Она, какъ извѣстно, заключалась въ изображеніи совершеннаго и прекраснаго человѣка. А это есть самое трудное дѣло на свѣтѣ, по словамъ писателя, ибо прекрасное есть идеалъ, и въ мірѣ была только одна единственная положительная фигу-

*) Относится вѣроятно къ — «Идиоту» см. Raskolnikoffs Tagebuch. Mit unbekannten Entwürfen Fragmenten und Briefen zu «Raskolnikoff» und «Idiot». München. R. Piper-Verlag. 1928. S. 160-165; 168-169. Однако весьма возможно, что въ изд. Piper сдѣлана ошибка, т. е. текстъ, слѣдующій на стр. 160 (фотографія съ рукописью) совпадаетъ дословно съ наброскомъ къ «Братьямъ Карамазовымъ», см. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. S. 244-245. Но это не мѣняетъ существа дѣла.

ра, «положительно-прекрасный образъ: Христось». Этотъ безконечно-прекрасный образъ — «вѣчное чудо». По мнѣнію Достоевскаго все Евангеліе отъ Иоанна исполнено этой мыслію. Иоаннъ видить чудо въ воплощеніи, въ явленіи *Прекраснаго (Красоты)*. Мы знаемъ, что историки литературы могутъ легко обвинить насъ въ стилизациі, въ намѣренномъ забвеніи значенія Донъ Кихота для концепціи романа «Идіотъ», и т. д. Но даже рискуя заслужить подобныя обвиненія, мы бы остались при прежнемъ убѣжденіи объ основной мысли романа и о вліяніи высшаго идеального образа. «Идея романа была старинная и любимая» *). Если сравнить мысли у смертнаго одра первой жены Достоевскаго (1864) и слова написанныя болѣе чѣмъ десять лѣтъ спустя, то сходство въ формулировкѣ отношенія ко Христу будетъ поразительно. Мы говоримъ сейчасъ о наброскахъ къ «Братьямъ Карамазовымъ». Тамъ мы прочтемъ, что человѣкъ есть воплощенное слово и Христось явился для того, чтобы всечеловѣческую свободу открыть людямъ, какъ конечную цѣль. Лучшее опредѣленіе жизни, читаемъ тамъ, есть: Я есмь, я существую, чтобы быть подобнымъ Господу **). Въ письмѣ 1879 г., относящемся къ «Братьямъ Карамазовымъ» находимъ: «...Чистый, идеальный христіанинъ — дѣло не отвлеченнное, а образно реальное, возможное, воочию предстоящее...» Въ другомъ письмѣ (отъ 11 июня 1879 г. къ Н. А. Любимову) Достоевскій говорить о своемъ желаніи заставить людей признать, что «чистый, идеальный христіанинъ не есть что то отвлеченнное, но видимое, дѣйствительное, возможное».

Всѣ эти высказыванія на протяженіи многихъ

*) Ср. Воспоминанія А. Г. Достоевской. Госиздат. 1925, стр. 115.

**) Ср. F. M. Dostojewski Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. München R. Piper Verlag (1929).

лѣтъ показываютъ, думается, ясно основную тенденцію Достоевскаго и его особое, ни у одного изъ известныхъ намъ авторовъ всемірной литературы, не встрѣчающееся, отношеніе ко Христу. А «мелочи», ситуаціи, евангельскія слова и прочее утверждаютъ правильность мысли нашей объ идеальномъ прекрасномъ, плѣнительномъ обликѣ, свѣтлый ореолъ котораго отбрасывалъ трепетное и нѣжное сіяніе на лики нѣкоторыхъ героевъ писателя. Ликъ «положительно-прекраснаго человѣка» прояснялся съ годами, крѣпъ и росъ и, пожалуй, даже не доконченный образъ Алеша вовсе не менѣе реаленъ, чѣмъ Ракитинъ, Міусовъ, Дмитрій или самъ Федоръ Павловичъ! Мы только почти потеряли вѣру въ идеальное и забываемъ, что оно не менѣе, а болѣе реально *), чѣмъ отрицательное. Болѣе реально, ибо утвержденіе сильнѣе отрицанія и Да всегда полнѣе и мощнѣе, чѣмъ Нѣтъ.**)

Утвержденіе и отрицаніе, вѣра и сомнѣніе боролись на страницахъ романовъ Достоевскаго и самъ онъ выступаетъ на фонѣ литературы своего времени, какъ боецъ, пророкъ и глашатай новыхъ идей, часто въ разрѣзъ съ основными убѣждѣніями эпохи. Это не значитъ, что всегда писатель былъ одинъ; мысли его скрещивались и переплетались съ идеями нѣкоторыхъ, подобно ему настроенныхъ, современниковъ; не одинъ Достоевскій говорилъ напр., съ убѣждѣніемъ о близящемся антихристѣ, о значеніи для міровой гармоніи православія и т. п. Достаточно вспомнить хотя бы три имени: Н. О. Федорова, Вл. Соловьевъ и Аполлона Григорьевъ. И все же идеи его да и всѣхъ близкихъ въ томъ или иномъ отношеніи

*) Замѣтимъ, что мы готовы отстаивать чрезвычайную реальность = жизненность образа, напр., о. Зосимы, равно какъ и его высоко-художественное выполненіе.

**) Позволимъ себѣ сослаться и на ученіе логики объ подчиненности отрицательного сужденія.

лицъ, были идеями «ретроградными», «отсталыми», «безумными» (Мы выбираемъ слова еще наиболѣе мягкия изъ оцѣнокъ современниковъ).

Съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка слѣдуетъ считать въ сущности первое выступленіе интеллигентіи съ идеями боевого соціализма, матерьялизма и утилитаризма. Это были въ большинствѣ поклонники крайняго матерьялистического подхода къ явленіямъ жизни вицѣшней и внутренней. Тщетно люди, понимающіе и знающіе философію, возвышали свой голосъ (проф. Юркевичъ,) ихъ обходили или травили въ либеральной прессѣ. Газеты того времени*) пестрятъ фактами изумительными. Защитникъ молодого убійцы (Витольда Горскаго**) увлекаясь позитивистическими идеями, развивалъ, не колеблясь, слѣдующую мысль: «...Мы видимъ молодого 18-лѣтняго человѣка полнаго силъ, желающаго принести пользу обществу, но для этого нужна подготовка, а для подготовки нужны материальныя средства, которыхъ преступникъ не имѣть... Очень естественно, у него родился планъ какимъ бы то ни было образомъ достать что-нибудь, чтобы только принести пользу семейству и себѣ; у него нашелся одинъ исходъ — совершить преступленіе; я *не думаю*, чтобы много было такихъ молодыхъ людей, которымъ бы *не приходило на умъ воспользоваться какимъ бы то ни было средствомъ для достижения своей цѣли*, хотя бы даже совершить преступленіе... Находясь подъ гнетомъ мысли о бѣдности, у Горскаго естественно является зависть къ благосостоянію Жемарина... Горскій много передумалъ, прежде чѣмъ рѣшился на кровавую развязку, — но избѣжать ея онъ не могъ» (курсивъ всюду мой).

*) Отношеніе романа «Ідіотъ» къ газетной литературѣ хорошо вскрыто въ работѣ В. С. Дороватовой-Любимовой. Печать и Революція 1928, кн. III, стр. 31-53.

**) Кровавый и скандальный характеръ его преступленія и «либеральная защита» отразились въ романѣ «Ідіотъ».

Разбирая «Преступлениe и Наказаниe», «бриллиантъ» русской новой критики храбро утверждалъ: «Нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что Раскольниковъ, утомленный мелкой и неудачной борьбой за существованіе, впалъ въ изнурительную апатію, нѣть также ничего удивительнаго въ томъ, что во время этой апатіи въ его умѣ родилась и созрѣла мысль совершить преступлениe... Поставьте на мѣсто Роскольникова какогонибудь другого человѣка обычныхъ размѣровъ, развивавшагося иначе и смотрящаго на вещи другими глазами, и вы увидите, что получится тотъ же самый результатъ» (курсивъ мой.).

«Человѣчества, писалъ Достоевскій, провозгласить устами своей премудрости и науки, что преступлениe нѣть, а стало быть нѣть и грѣха, а есть лишь только голодные...» («Братья Карамазовы»). Или «накорми, а тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели», или еще проще утверждать, какъ соціалисты, «что причиною всѣхъ бѣдствій человѣческихъ одно — нищета, борьба за существованіе, «среда заѣла»» *).

Какъ при этихъ параллеляхъ яснѣеть смыслъ полемики писателя, какъ оживаются его слова и мы дышимъ воздухомъ его времени! Въ запальчивости борца за идеализмъ, за Христа, Достоевскій причислялъ къ атеистамъ и матерьялистамъ всякого, кто отрицалъ божественность Христа и теистического Бога. Въ этомъ письмѣ къ А. Н. Майкову (28-16 1867 г.) онъ пишетъ о своемъ свиданіи съ Тургеневымъ въ Базелѣ и замѣчаетъ:

«Онъ объявилъ мнѣ, что онъ окончательный атеистъ. Но Боже мой! тейизмъ намъ далъ Христа, т. е. до того высокое представлениe человѣка, что его понять нельзя безъ благоговѣнія и нельзя не вѣрить, что это идеалъ человѣчества вѣковѣч-

*) Ср. письмо къ В. А. Алексѣеву 1876 г.

ный! А что же они то Тургеневы, Герцены, Утины*) Чернышевские — намъ представили? Вмѣсто вы-
сочайшей красоты Божіей, на которую они пллюютъ,
всѣ они до того пакостно самолюбивы, до того
безстыдно раздражительны, легкомысленно гор-
ды, что просто непонятно: на что они надѣются
и кто съ ними пойдетъ?»

Критикъ «Эпохи» и другъ Достоевскаго, тоже «почвенникъ» «Одинъ изъ многихъ ненужныхъ лю-
дей» въ письмѣ къ тому же Майкову писалъ слѣ-
дующее: «Любезные друзья! Антихристъ народил-
ся въ видѣ материальнаго прогресса, религіи пло-
ти и практическости **), вѣры въ человѣчество,
какъ въ деньгу — поймите это всѣ вы, означене-
ванные печатью Христовой ***), печатью вѣры
въ душу, въ безграничность жизни, въ красоту,
въ типы — поймите что даже (о ужасъ !!!) къ цер-
кви мы ближе, чѣмъ къ соціальной утопіи Чер-
нышевскаго, въ которой намъ остается только
псвѣтиться на одной изъ грушъ, воздѣлываніемъ
которыхъ стадами займется улучшенное человѣ-
чество. Поймите, что испоконъ вѣка были два зна-
мени. На одномъ написано: «Личность, стремленіе
свобода, искусство, безконечность». На другомъ:
«Человѣчество (человѣчина, по остроумному пе-
реводу юродствующаго Аскоченскаго ****), мате-
риальная благосостояніе, однообразіе, центра-
лизация». И если въ добавленіе къ вышеприве-
денной выдержкѣ изъ письма Достоевскаго къ
Майкову мы припомнимъ десять лѣтъ спустя ска-
занное устами о. Паисія въ «Братьяхъ Карама-
зовъхъ», многое, касающееся не только эпохи,
но и творчества писателя, намъ какъ то станетъ

*) Изв. революціонеръ 1860-хъ годовъ.

**) Намекъ на утилитаризмъ русскаго пошиба, увы, далекій
отъ «Утилитаріанизма» Дж. Ст. Милля!

***) Вѣроятно, намекъ прямой на Апокалипсисъ гл. 7, III сл.

****) Изв. журналистъ 1860-хъ годовъ

понятнѣе. Вотъ эти слова: «Ибо и отрекшіеся отъ христіанства и бунтующіе противъ него сами того же самаго Христова облика суть, таковыми же и остались, ибо до сихъ поръ ни мудрость ихъ, ни жаръ сердца ихъ не въ силахъ создать иного высшаго образа человѣку и достоинству его, какъ образъ, указанный древле Христомъ» (курсивъ мой).

Р. Плетневъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
